

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

THEORETICAL-LEGAL FOUNDATIONS OF CRIME COUNTERACTION

Научная статья

УДК 343.9

EDN WCBSDS

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: О ТУПИКЕ НЕОКРИМИНОЛОГИИ

С.С. Босхолов¹, В.А. Номоконов²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

25 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать

28 мая 2024 г.

Дата онлайн-размещения

31 мая 2024 г.

Ключевые слова

Метафизика; религия; онтология;
общественная опасность; уголовное
право; уголовная политика;
криминология

Аннотация. Авторы подвергают критической оценке представления и взгляды отечественных и зарубежных неокриминологов на такие основополагающие понятия и категории в уголовном праве и криминологии, как преступление и преступность, понятие и цели наказания, а также и на общественную опасность. Хотя сами постмодернисты все же признают наличие некоторых онтологических реалий в процессе социального конструирования преступления и преступности, они не придают им должного значения, а чаще всего просто обходят стороной, абстрагируются от них. Однако общественная опасность преступления не является плодом исключительно законодательного конструирования, а представляет собой реальный феномен: это объективное свойство преступлений влечь за собой, порождать негативные изменения в социальной действительности, приводить к нарушению установленных в социуме общественных отношений, причинять им вред. И вред существенный, угрожающий безопасности личности и общества. В теории и практике существует необходимость уточнения критериев, по которым эту опасность, ее характер и степень можно определить. Преступность патологична, так как, помимо нарушения норм УК, разрушает основы общества, морально и физически губит людей. В случае произвола или ошибки законодателя в круг преступного попадает то, что не имеет оснований для криминализации, т.е. не обладает существенной степенью общественной опасности. Уголовная политика не должна меняться в угоду политической целесообразности в ущерб социальным основаниям. Имеющаяся деформация уголовной политики, выражающаяся в недооценке личности преступника, в определенной степени связана с ослаблением внимания законодателей, теоретиков и практиков к категории общественной опасности личности преступника. В обществе могут возникать и возникают те или иные деформации, девиации, которые порождают общественно-опасные формы поведения. Авторы полагают, что все, что было наработано в рамках традиционных представлений о преступлении и преступности, личности преступника, предупреждении преступности в отечественной российской криминологии, отнюдь не является анахронизмом.

Original article

ONTOLOGICAL AND METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF THE SOCIAL DANGER OF CRIMES: ON THE DEAD END IN NEOCRIMINOLOGY

Sergey S. Boskholov¹, Vitaly A. Nomokonov²

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2024 April 25

Accepted

2024 May 28

Available online

2024 May 31

Abstract. The authors present a critical assessment of the views of both Russian and foreign neocriminologists on such basic concepts and categories of criminal law and criminology as crime and criminality, the concept and goals of punishment, as well as the public danger. Although the postmodernists recognize the presence of some ontological phenomena in the process of social construction of crime and criminality, they are not given due importance, and are often bypassed and ignored. However, the public danger of crimes is not exclusively a result of legislative design, it is a real-life phenomenon, an objective feature of crime that entails and gives rise

Keywords

Metaphysics; religion; ontology;
public danger; criminal law;
criminal policy; criminology

to negative changes in the social sphere, disrupts established public relations and harms them. This harm is considerable, it threatens the security of the person and the society. There is a theoretical and practical need to specify the criteria that will make it possible to define this danger, as well as its type and degree. Crime is pathological because, apart from the violations of the Criminal Code norms, it destroys the foundations of the society, harms people morally and physically. If the legislator makes an arbitrary decision or a mistake, then actions that do not provide grounds for criminalization, i.e. do not present a significant degree of public danger, may be criminalized. Criminal policy should not be changed to serve political expediency at the expense of social foundations. The existing deformation of criminal policy manifested through underestimating the personality of the criminal is to some degree connected with a weakening attention paid by the legislators, the theoreticians and the practical specialists to the public danger posed by the personality of the criminal. Various deformations and deviations leading to publicly dangerous forms of behavior may and do arise in society. The authors believe that the results achieved within the framework of traditional views on crime and criminality, the personality of the criminal, and crime prevention in Russian criminology are far from being an anachronism.

Поводом к написанию данной статьи послужили взгляды и представления отечественных и зарубежных неокриминологов на такие основополагающие понятия и категории в уголовном праве и криминологии, как преступление и преступность, понятие и цели наказания, а также на общественную опасность. В суммированном виде они, в частности, изложены в работе профессора Я.И. Гилинского «Криминология постмодерна: о преступлении и наказании» [1], являющегося наиболее последовательным представителем российской неокриминологии. В ней автор, опираясь на работы своих зарубежных коллег — единомышленников криминологии постмодерна, солидаризуется с ними в том, что «преступление — не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности (Э. Хулсман) [Цит. по: 1, с. 78].

Точно такая же оценка вынесена и в отношении преступности как не онтологического явления, а некой мыслительной конструкции, имеющей исторический и изменчивый характер. Преступность, по их мнению, полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения, а отсюда преступность — социальный и языковой конструкт (Я.И. Гилинский, Н. Хесс и С. Шеерер) [Цит. по: 1, с. 78].

Поскольку Я.И. Гилинский настойчиво призывает всех присоединиться к дискуссии о неокриминологии как о новом этапе в развитии криминологии, позволим себе откликнуться и

высказать ряд суждений на приведенные выше основополагающие выводы постмодернистов в аспекте проблемы общественной опасности.

Справедливости ради следует отметить, что сами постмодернисты, отвергая классические, устоявшиеся представления о преступлении и наказании, преступности в уголовном праве и криминологии, все же признают наличие некоторых онтологических реалий в процессе социального конструирования преступления и преступности. Однако они не придают им должного значения, а чаще всего просто обходят стороной, абстрагируются от них. Так, применительно к категории общественной опасности посткриминологи придерживаются твердой позиции о том, что она, мол, настолько расплывчатая, что «трудно однозначно определить, что такое общественная опасность и с чьей точки зрения (каких «фрагментов» общества) ее надо определить», а потому, делают они вывод, это занятие малопродуктивно [2].

Между тем еще К. Маркс утверждал, «что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» [3, с. 732].

Я.И. Гилинский уточняет: «Сказанное не означает, что социальное конструирование преступности совершенно произвольно. Государство «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причи-

няют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, или причиняют вред незначительный, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований» [2, с. 17]. Да, эта проблема существует, конечно. Однако не стоит с водой выплескивать ребенка: общественная опасность преступления не является плодом исключительно законодательного конструирования, а представляет собой реальный феномен.

Чрезмерно полемичным и вряд ли верным представляется также утверждение уважаемого коллеги о том, что «согласно букве уголовного закона многих современных государств, включая Россию, около 100 % взрослого населения — уголовные преступники (включая автора этих строк)» [2, с. 17]. Во-первых, ч. 2 ст. 14 УК РФ, как известно, говорит о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Во-вторых, основания криминализации не умозрительны, они есть — это объективная опасность, характер и степень (другое дело, как это измерить, установить, обосновать и т.д.). В-третьих, справедливость — не умозрительна, это определенное соответствие, соразмерность деяния и воздаяния, степени вины и наказания, меры заслуги и награды, соответствие наказания общественной опасности деяния и личности виновного.

Общественная опасность преступления. Напомним, что еще со времен торжества классической школы уголовного права истинным мерилom преступлений считался *вред, ущерб*, наносимый ими общественным отношениям, содержащий в себе опасность и угрозу для безопасности и устоев государства, безопасности нации и частных лиц. По мнению выдающегося представителя этой школы Чезаре Беккариа, «это одна из тех очевидных истин, для открытия которых не требуется ни квадрантов, ни телескопов и которые доступны любому среднему уму. Но по странному стечению обстоятельств такого рода истины всегда и у всех наций осознавались ясно только немногими мыслящими людьми» [4, с. 98]. Подразделяя преступления на различные виды, Ч. Беккариа относил к наи-

более опасным преступления, причиняющие наибольший вред, разрушающие непосредственно само государство и общество, а следом за ними ставил преступления против безопасности частных лиц [4, с. 99].

Преступление отличается от не преступления именно тем, что оно наносит вред отдельному человеку, обществу, государству, а в некоторых случаях миру и человечеству, угрожает их естественному и неотъемлемому праву на безопасность. Отсюда в уголовном праве под общественной опасностью понимают *объективное свойство* преступлений влечь за собой, порождать негативные изменения в социальной действительности, приводить к нарушению установленных в социуме общественных отношений, причинять им вред. И вред существенный, угрожающий безопасности личности и общества.

Общественная опасность преступлений проявляется в ее *характере и степени*, которые принято считать *качественными и количественными* характеристиками всех преступлений. Часть 3 ст. 60 УК РФ устанавливает, что «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Характер общественной опасности, как качественная характеристика преступления, включает в себя свойства, особенности преступного деяния, позволяющие отличить его от деяний не преступных, а также от деяний, смежных с ним, выделить из числа тех, которые составляют группу преступлений, имеющих общие признаки. Характер общественной опасности позволяет выделить преступление в силу свойственных лишь ему объективных и субъективных признаков, которые выражают важность, социальную значимость и ценность общественных отношений, на которые посягает преступное деяние, причиняет им вред.

Степень общественной опасности, являясь количественной характеристикой преступления, дает возможность и способствует сравнительному анализу преступлений одного вида, одного и того же характера. Насколько опасно преступление и в какой степени, можно установить при анализе всех объективных и субъективных признаков преступления [5, с. 57]. От характера и степени общественной опасности

зависит, в частности, целесообразность освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности и наказания.

Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что определение конкретного характера и степени общественной опасности того или иного преступного деяния представляет трудность и что могут быть допущены ошибки со стороны законодателя при криминализации и декриминализации. Но из этого вовсе не следует делать беспелляционные выводы о бесполезности и нецелесообразности использования категории общественной опасности в уголовном праве и криминологии. В теории и практике существует необходимость уточнения критериев, по которым эту опасность, ее характер и степень можно определить. Традиционное обращение к перечислению объектов уголовно-правовой охраны, дифференциация этих объектов по степени социальной значимости не исчерпывает всех возникающих вопросов. В ряде случаев реальность вреда, а не его искусственную «конструкцию» еще требуется доказать как в рамках конкретного уголовного дела, так и в случаях обоснования необходимости криминализации тех или иных деяний.

Каковы критерии, позволяющие отграничить преступления от иных правонарушений? Наиболее часто исследователи указывают на существенность реального или потенциального вреда для личности, общества или государства. В этой связи Н.Г. Иванов верно обращает внимание на неясность, абстрактность такого признака преступления, как «серьезность вреда» (в некоторых изданиях вред дополняется прилагательными «существенность», «значительность» и т.п.). Насколько он должен быть серьезным или существенным, каковы параметры этой серьезности или существенности, которые позволят, с одной стороны, выработать критерии отнесения деяния к категории преступных, а с другой — отличительные признаки, позволяющие отграничить криминал от проступка, абсолютно неясно. Таким образом, этот критерий в свою очередь нуждается в конкретизации, что составляет серьезную теоретическую и практическую проблему [6].

Общественная опасность преступности. Неокриминологи солидаризируются с Э. Дюркгеймом, который полагал, что «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна» [7, с. 39–43]. Эта идея

поддержана в наши дни швейцарским криминологом И.Л. Кунцем: «...общество нуждается в преступности как двигателе социальных преобразований» [8, с. 245]. С этими утверждениями согласиться нельзя. Социальные явления не могут не рассматриваться в системе оценочных координат «добро» и «зло», при всей их, разумеется, относительности. Все, что связано с человеком, носит ценностный характер. Нормальность и закономерность — не одно и то же. Мы юристы. Для нас норма — это желаемое и рекомендуемое государством поведение (правило). В отличие от социологов, для которых «норма» — это то, что имеет достаточную распространенность («многие так делают»). Если сквернословие (грязные слова) и коррупция (грязное общение) в нашей стране стали привычными и обычными, то от этого они не перестали быть грязью, злом, деструктивными явлениями.

Социальная патология закономерна в силу определенных причин (деформации социума, нарушения гармонии, рассогласованность интересов личности общества и государства), но от этого она не становится «нормой», которая есть социальное благо, ценность. Пьянство и наркотизм патологичны, так как разрушают здоровье, а не укрепляют и не развивают человека, разрушают семью, являются причинами и условиями многих преступлений. Преступность патологична, так как, помимо нарушения конвенций (УК), разрушает основы общества, морально и физически губит людей. Разумеется, в случае произвола или ошибки законодателя в круг преступного попадает (особенно у нас) то, что не имеет оснований для криминализации, т.е. не обладает существенной степенью общественной опасности. В этом случае мы можем говорить о возможной криминогенности или коррупциогенности самого закона или (и) законодателя.

Сложным и проблемным вопросом является определение основания (оснований) криминализации общественно-опасных деяний. В литературе верно говорится о том, что в качестве такого основания (одного или нескольких) должна выступать общественная опасность не единичного деяния, а их совокупности. Общественная опасность преступности (или совокупности общественно-опасных деяний, объективно нуждающихся в криминализации), — это свойство последней причинять существенный вред общественным отношениям либо созда-

вать угрозу причинения такого вреда и одновременно основанная на объективных критериях субъективная оценка обществом характера и меры этого вреда [9, с. 33]. И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеев полагают, что существуют, по меньшей мере, два «рациональных» основания криминализации: социальное основание — наличие нетипичной формы социального поведения, которая приводит или неизбежно приведет к нежелательным для максимально большого круга людей изменениям в жизни отдельных индивидов, общества и государства; политическое основание — наличие политической воли на признание этой формы поведения преступной [10, с. 202]. К сожалению, не так уж редко или, точнее, все чаще наша уголовная политика меняется в угоду политической целесообразности и в ущерб социальным основаниям.

В основе такого понимания преступления как вреда, наносимого личности, обществу и государству, лежит *метафизика* (после физики), которая рассматривается как синоним философии, особой философской науки — *онтологии*, т.е. учения о бытии как таковом, независимо от его частных видов, и в отвлечении от вопросов логики и теории познания; философский метод познания, противостоящий диалектическому методу познания как своему антиподу. При этом особенностью метафизического метода познания является возведение в абсолют отдельных рассматриваемых понятий и категорий, наделение их статусом *абсолютных истин*.

К числу таких абсолютных истин относится и *вред*, положенный в основу *общественной опасности* преступления. Начиная с времен классической школы уголовного права и до наших дней, такое понимание преступления являлось внутренне непротиворечивым, прошло проверку уголовно-правовой и криминологической практикой, никем, в том числе неокриминологами, не было опровергнуто. В этой связи категорию вреда, опасности нельзя отбрасывать, ибо она является объективным основанием для криминализации [11].

Общественная опасность личности преступника. Допустимо ли об этом говорить? Когда она возникает, как изменяется и в чем состоит? До сего дня ряд криминологов, включая самых известных (Я.И. Гилинский), настаивает на том, что личности преступника не существует, так как у лиц, совершивших преступление, отсутствуют какие-либо специфические черты, отличающие их от законопослушных граждан [2, с. 9].

Каждый ли способен на преступление? Не следует этот вопрос путать с вопросом о том, каждого ли можно «сделать преступником». Если да, то каждый ли тогда способен и на героизм? Или только на преступление? В недавней книге «Каждый способен на убийство» [12] автор именно этот тезис пытается обосновать. Если так считать, то тогда действительно никакой личности преступника не может быть или, что то же самое, все мы — реальные или потенциальные преступники, убийцы, насильники. Чисто абстрактно, конечно, от каждого можно ожидать, что он выберет рано или поздно преступный вариант поведения. Но аналогично тому, что у каждого человека разные способности и склонности, склонность к преступлению присуща, слава богу, далеко не всем. Неслучайно поэтому и криминология, и уголовное право используют категорию общественной опасности личности как главного свойства преступника. И эта опасность различна у разных категорий лиц, совершивших преступление. Кроме того, не принимается в расчет и необходимость определенной типологизации преступников по опять-таки ключевому признаку склонности к преступлению.

Представляется, что имеющаяся деформация уголовной политики, выражающаяся в недооценке личности преступника, в определенной степени связана с ослаблением внимания законодателей, теоретиков и практиков к категории общественной опасности личности преступника. Без реального преступления нет и личности преступника, а есть лишь лицо, в большей или меньшей степени склонное к нему. Общественная опасность такой личности, пока не совершено преступление, уголовно-правового значения не имеет, но она значима, разумеется, в криминологическом плане. Однако нельзя впадать и в другую крайность. Ошибочно полагать, что общественная опасность личности проявляется лишь в момент совершения преступления. Она на самом деле (хотя и не всегда) чаще всего возникает задолго до совершения преступления в виде склонности к последнему и проявляется в иных противоправных или антиобщественных проступках.

Общественная опасность социума. Если исходить из того, что общество продуцирует преступность, то логически вытекает вывод о том, что и в недрах самого социума возникли сегменты, представляющие общественную опасность. Как известно, в обществе могут воз-

ника и возникают некие деформации, девиации, которые порождают общественно-опасные формы поведения. В чем же конкретно состоят социальные деформации? Социальные деформации проявляются в искажении общественных отношений, появлении в обществе застойных форм и негативных тенденций. В литературе справедливо отмечается, что деформация общественных отношений неизбежно деформирует сознание, ценностные ориентации и поведение людей, ведет к их деморализации. Можно предположить, что в самом общем виде деформации общественных отношений, вызывающие антисоциальное поведение, заключаются в тех или иных ограничениях социальной справедливости, самостоятельности, свободы и ответственности участников общественных отношений, которые уже неадекватны новым социальным условиям или, напротив, не подготовлены предшествующим социально-историческим развитием.

Данная проблема в свое время была глубоко исследована В.Н. Кудрявцевым. Им сделан важный вывод: при деформациях происходит переход от отношений сотрудничества к конфликтам, противостоянию, борьбе. В конечном счете намечается разрыв социальных отношений, их атомизация. А распад социальных связей — это уже верный признак глубокого кризиса в обществе [13, с. 9]. Само общество в итоге и в целом становится общественно-опасным. В этом случае требуется системная трансформация общества и государства.

Общественная опасность властных структур. Власть не только объект усиленной охраны, она может, и не так уж редко, сама становиться источником опасности в силу коррупции, предательства, иных нарушений законности. Этот аспект основательно изучен Н.В. Щедриным. Властные структуры во все времена были заинтересованы в оболванивании населения, внедрении в массовое сознание мифов об «избранности народа», об «исторических личностях», деяния которых неподсудны и т.п. Если власти нет или она функционирует только для собственного блага без учета интересов населения, социальная система рано или поздно прекратит свое существование. Разрушительные процессы, которые запускаются неадекватной властью, слабо контролируемы и губительные последствия неправильных решений необратимы [14].

Криминологические и правовые проблемы власти были предметом специального обсу-

ждения на одной из конференций, организованных Российской криминологической ассоциацией [15]. А.И. Долгова обратила внимание на два аспекта, имеющих криминологическое значение. Во-первых, власть нуждается в криминологической защите, и, во-вторых, реализация властных полномочий способна снижать или усиливать криминогенность общества [16, с. 10–11].

Добавим к ранее изложенному, что если проблема преступности — это прежде всего нравственная проблема, то ее *решение должно находиться главным образом в нравственной же плоскости.* В свою очередь, обращение к нравственной сфере предполагает, помимо прочего, использование метафизического метода познания для более полного раскрытия сущности общественной опасности преступления. А это требует, на наш взгляд, обращения к канонам христианского учения о *добре и зле*, понимания преступления как тяжкого *греха*, отступления от заповедей Божьих, в первую очередь от таких, как не убий, не укради, не прелюбодействуй, не лги, не завидуй. Верующие люди хорошо понимают это и воспринимают их для себя как нравственные законы, переступить которые нельзя. Грех, будучи не положенным в основу мерила преступления, по той же причине, что его отпущение подвластно лишь самому Богу, тем не менее вполне может рассматриваться в качестве одного из наиболее важных категорий метафизической основы общественной опасности преступления.

Тезис неокриминологов о том, что не существует объективных оснований криминализации тех или иных деяний и что единственным «основанием» ее является воля, желание главы государства, правительства, власти, что она, «власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением» (Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский) [цит. по: 1, с. 79], серьезным образом не доказан. На наш взгляд, это попытки уйти от дальнейших исследований устоявшихся и общепринятых в науке уголовного права и криминологии взглядов и представлений. Уйти путем, как это принято в общей теории постмодерна, не только простого *отказа и отвержения* от них (на что, впрочем, можно не обращать внимания), а *разрушения* всего фундамента, основ наук уголовного права и криминологии.

Уместно в этой связи напомнить, что *принцип дополнительности Бора* (а на него неоднократно ссылается Я.И. Гишинский в своих работах) на деле предполагает *модернизацию* научной общественной теории, которая при ее развитии должна происходить таким образом, чтобы необходимость *включения* новых научных фактов и их *объяснения* в пространстве теории не вызывала необходимости *разрушения* всей теории, а путем *минимального изменения* исходных аксиом или путем включения *минимального количества* новых аксиом получить новую теорию, которая как часть включает в себя старую теорию. В этой связи нельзя не заметить, что основные понятия неокриминологии при их бездумном и безответственном применении в уголовном праве и криминологии ведут к разрушению их теоретических основ, утрате ими собственного предмета исследований.

Претензии представить неокриминологию как новый этап в развитии криминологии представляются завышенными. Своими корнями, вероятно, они уходят в глубину веков, когда христианство разделилось на два соперничающих полюса: православное христианство и западное христианство (католическое и протестантское). В этом смысле теория постмодерна — это детище современной западной христианской культуры, апологеты которой всегда и во все времена ставили ее выше всех других культур, в том числе православной культуры. Соответственно, все, что было наработано в рамках традиционных представлений о преступлении и преступности, личности преступника, предупреждении преступности в отечественной российской криминологии, с точки зрения неокриминологов, является анахронизмом.

В рамках своей культуры Запад может делать все, что угодно — отказываться от традиционных христианских ценностей, в частности разрешать однополые браки; считать себя оазисом, а весь остальной мир джунглями; отказываться от своей собственной истории; скатываться к сатанизму и т.д. Однако попытки навязать остальному, не западному, миру, который гораздо больше западного мира и по территории, и по

численности населения, свою западную культуру и свой так называемый миропорядок, для нас являются неприемлемыми.

Неокриминологи, ставя во главу угла теорию о ничем не ограниченных правах человека, в решении основного фундаментального вопроса о преступлении и наказании сами вольно или невольно скатываются на путь их искусственного конструирования, причем абсолютно голого, ничем криминологически не обоснованного. В самом деле, их предложение о том, что сроки лишения свободы в основном не должны превышать двух-трех лет, а само лишение свободы должно быть сведено к минимуму и применяться, как правило, лишь за насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних, не выдерживает критики не только с научной криминологической точки зрения, но и со стороны здравого смысла, обыденного правосознания.

Ссылки о том, что в большинстве стран Северной и Западной Европы срок лишения свободы нередко исчисляется неделями и месяцами (а отнюдь не десятилетиями!) [1], для не западных стран вряд ли могут восприниматься серьезно. При этом замалчивается, что, например, одному из самых кровавых убийц XXI века Брейвику та же западная Фемида вынесла приговор о пожизненном лишении свободы. Замалчивается и про США, которые самовольно присвоили себе статус центра западной культуры, где ситуация с лишением свободы хуже, чем во многих не западных странах. Складывается впечатление, что в своем стремлении опровергнуть все и вся зарубежные неокриминологи дошли до крайних выводов о том, что «преступность не существует» (Н. Кристи) [цит. по: 1, с. 78], что уголовное законодательство следует отменить как таковое, несовместимое с правами человека и гражданина (Х.-Х. Йешек) [цит. по: 1, с. 79]. Причина таких серьезных несоответствий нам видится в том, что неокриминологи полностью отвергли категорию общественной опасности в уголовном праве и криминологии и в результате зашли в тупик. Идти следом за ними туда вряд ли стоит.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании / Я.И. Гишинский. — DOI 10.31857/S013216250019611-5. — EDN PGOZGM // Социологические исследования. — 2022. — № 4. — С. 77–84.
2. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я.И. Гишинский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. — 136 с.
3. Маркс К. Сочинения. В 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1954. — Т. 12. — 879 с.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. — Москва : Инфра-М, 2004. — 184 с.

5. Уголовное право России : учебник : в 2 т. / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. — Москва : Норма-Инфра-М, 1998. — Т. 1. — 639 с.
6. Иванов Н.Г. Общественная опасность как онтологическая основа криминализации / Н.Г. Иванов. — Москва : Проспект, 2016. — 80 с.
7. Дюркгейм Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. — Москва : Прогресс, 1966. — С. 39–44.
8. Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление / К.-Л. Кунц. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2019. — 362 с.
9. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Проспект, 2014. — 291 с.
10. Козаченко И.Я. Новая криминализация / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев. — Екатеринбург : Sapientia, 2020. — 256 с. — EDN TAUDVJ.
11. Номоконов В.А. Конец войне с преступностью? / В.А. Номоконов. — EDN GIWNET // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г. / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 19–28.
12. Басс Д.М. Каждый способен на убийство / Д.М. Басс. — Москва : Бомбора, 2023. — 368 с.
13. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Норма, 1992. — 133 с.
14. Щедрин Н.В. Власть как источник повышенной опасности и меры безопасности в борьбе с коррупцией / Н.В. Щедрин // Власть и коррупция : сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Номоконов. — Владивосток, 2006. — С. 6–12.
15. Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация : сб. статей / отв. ред. А.И. Долгова. — Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2000. — 400 с. — EDN VWYNXL.
16. Преступность в России и криминологические проблемы власти / А.И. Долгова, В.В. Астанин, О.А. Евланова [и др.]. — EDN SDVMSG // Власть: криминологические и правовые проблемы : сб. статей / отв. ред. А.И. Долгова. — Москва, 2000. — С. 226–248.

REFERENCES

1. Gilinskiy Ya.I. Postmodern Criminology About Crime and Punishment. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, no. 4, pp. 77–84. (In Russian). EDN: PGOZGM. DOI: 10.31857/S013216250019611-5.
2. Gilinskiy Ya.I. *Criminology of Postmodern (Neocriminology)*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2021. 136 p.
3. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. Vol. 12. 879 p.
4. Beccaria C. *On Crimes and Punishments*. Indianapolis, Bobbs-Merrill, 1963. 132 p. (Russ. ed.: Beccaria C. *On Crimes and Punishments*. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 184 p.).
5. Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. (eds.). *Russian Criminal Law*. Moscow, Norma-Infra-M Publ., 2016. Vol. 1. 639 p.
6. Ivanov N.G. *Public Danger as an Ontological Basis of Criminalization*. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 80 p.
7. Dyrkgeim E. *The Rules of the Sociological Method*. Paris, 1919. (Russ. ed.: Dyrkgeim E. *The Norm and the Pathology. The Sociology of Crime*. Moscow, Progress Publ., 1966. Pp. 39–44.).
8. Kunz, K.-L. *Criminology: A Foundation*. 6th ed. Berlin, Haupt Verlag, 2011. 362 p. (Russ. ed.: Kunts K.-L. *Criminological Thinking. An introduction*. Saint Petersburg, Alef – Press Publ., 2019. 362 p.).
9. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problems of Russian Criminal Policy*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 291 p.
10. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. *A New Criminalization*. Ekaterinburg, Sapientia Publ., 2020. 256 p. PEDN: TAUDVJ.
11. Nomokonov V.A. An End of the War on Crime? In Rakhmanova E.N. (ed.). *Criminal Policy and the Practice of Law Enforcement. Materials of the IX International Scientific Conference, Saint Petersburg, March 11, 2022*. Saint Petersburg, 2022, pp. 19–28. (In Russian). EDN: GIWNET.
12. Buss D.M. *The Murderer Next Door: Why the Mind is Designed to Kill*. New York, Penguin Press, 2005. 296 p. (Russ. ed.: Buss D.M. *Everyone is Capable of Murder*. Moscow, Bombora Publ., 2023. 368 p.).
13. Kudryavtsev V.N. *Social Deformations*. Moscow, Norma Publ., 1992. 133 p.
14. Shchedrin N.V. Power as a Source of Heightened Danger and Security Measures in Fighting Corruption. In Nomokonov V.A. (ed.). *Power and Corruption. Collected Papers*. Vladivostok, 2006, pp. 6–12. (In Russian).
15. Dolgova A.I. (ed.). *Power: Criminological and Legal Problems. Russian Criminological Association. Collected Papers*. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2000. 400 p. EDN: VWYNXL.
16. Dolgova A.I., Astanin V.V., Evlanova O.A., Il'in O.S., Yutskova E.M., Emel'yanova L.V. Crimes in Russia and Criminological Problems of Power. *Power: Criminological and Legal Problems. Collected Papers*. Moscow, 2000, pp. 226–248. (In Russian). EDN: SDVMSG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Босколов Сергей Семенович — профессор кафедры уголовного права и процесса Института юстиции Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: boskholov@yandex.ru.

Номоконов Виталий Анатольевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nomokonov.va@dvfu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boskholov, Sergey S. — Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Justice, Baikal State University, Doctor of Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: boskholov@yandex.ru.

Nomokonov, Vitaly A. — Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: nomokonov.va@dvfu.ru.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Босхолов С.С. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии / С.С. Босхолов, В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136. — EDN WCBSDS // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 128–136.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

FOR CITATION

Boskholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and Metaphysical Foundations of the Social Danger of Crimes: On the Dead End in Neocriminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136. (In Russian). EDN: WCBSDS. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136.